

Title	Маки для большевиков : опиум на туркестано- синьцзяньском приграничье в 1914-1929 годах
Author(s)	Пианчола, Никколо
Citation	Acta Slavica Iaponica, 43, 127-149
Issue Date	2022
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.43.127
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/93351
Type	departmental bulletin paper
File Information	Acta43_06_Pianciola.pdf

Маки для большевиков: опиум на туркестано-синьцзянском приграничье в 1914–1929 годах

Никколо Пианчола

ВВЕДЕНИЕ¹

Историография мировой опиумной торговли, а также работы о торговле и потреблении опиума в Китае до сих пор обходили вниманием трансграничное производство и торговлю опиумом из царской Центральной Азии и с российского Дальнего Востока.² Эти трансграничные региональные опиумные экономики, которые развивались в 1880-1890-х годах и особенно процветали в период 1908-1930 годов, основывались на проницаемости государственных границ. Различные группы мигрантов из империи Цин (хуэй, таранчи, ханьцы, корейцы) переселялись через границу и выращивали опийный мак. Произведенный ими опиум затем в основном продавался через границу, в Синьцзян и Маньчжурию, даже при том, что на Дальнем Востоке в начале двадцатого века можно было наблюдать растущий спрос на потребление опиума со стороны китайского населения, проживавшего на царской территории.

В данной статье я сосредоточусь на Семиреченской области (по-казахски Жетысу, по-кыргызски Жети-Суу), входившей в состав царского, а затем советского Туркестана с 1867 по 1924 год (с перерывом между 1882 и 1899 годами, когда она была частью Степного генерал-губернаторства). Этот разбор заполняет лакуну в истории опиумной промышленности и торговли между Китаем и Российской империей/Советским Союзом. Существуют региональные исследования, но до сих пор не было ни одного, посвященного российской стороне границы в течение XIX века и первой половины XX века.³ Эта статья затрагивает темы, поднятые в других

-
- 1 Хочу поблагодарить Николая Охотина за помощь в переводе текста с английского на русский, Арслана Аканова за редактирование, и анонимных рецензентов за их ценные комментарии.
 - 2 См., например, недавнее подробное исследование Hans Derks, *History of the Opium Problem: The Assault on the East, ca. 1600–1950* (Leiden: Brill, 2012), в котором Россия и Центральная Азия вообще не упоминаются.
 - 3 См. в особенности работы Дэвида Белло, в первую очередь: David Bello, *Opium and the Limits of Empire: Drug Prohibition in the Chinese Interior, 1729–1850* (Cambridge MA: Harvard Council on East Asian Studies, 2005). Единственная работа об опиумном производстве в Туркестане, которую я смог найти, была эта: *Сумароков Л.И.* К истории

моих недавних статьях. При этом она охватывает более широкий период, включающий в себя 1920-е годы, и поднимает вопросы преемственности и различий между опиумной политикой царизма и решениями советской власти в эпоху новой экономической политики.⁴

Семиречье было ранним центром производства опиума на царской территории: именно здесь переселенцы с цинской территории начали выращивать опийный мак уже в конце XIX века. Изначально выращивание опиума в царском Туркестане в основном было делом дунган (хуэй) - китаеязычных мусульман, иммигрировавших в Туркестан в конце 1870-х и первой половине 1880-х годов и сохранивших связи с Синьцзяном. Вместе с тем, таранчи начали выращивать мак в этом регионе, а затем и русские и украинские иммигранты присоединились к растущему числу крестьян-опиумщиков. Казахи и кыргызы также принимали участие в контрабанде опиума с самого начала его появления в регионе, поскольку часть года пастухи пасли свои стада за границей, на китайской территории, где могли сбывать наркотики.⁵

Для различных групп населения в приграничных районах граница была ресурсом, а не препятствием для экономической деятельности. Международная граница не позволяла китайским правоохранительным органам препятствовать культивированию опиума. В то же время граница, в силу своей проницаемости, не препятствовала приходу в Семиречье земледельцев из Синьцзяна для сбора урожая и продаже опиума, произведенного на царской земле, в Китае (который оставался основным рынком сбыта).

Даже если в количественном отношении российский Дальний Восток в начале XX века стал производить больше, чем Семиречье, именно Семиречье стало тем регионом, где была предпринята первая попытка создания опийной государственной монополии во время Первой мировой войны. Вплоть до Первой мировой войны царская администрация в Туркестане поддерживала трансграничные социальные и экономические связи. Данная работа показывает, как во время войны ситуация стала меняться по мере того, как правительство пыталось монополизировать этот

распространения и производства наркотиков в Семиречье // Вестник КРСУ. 2008. № 8/7. С. 70–74. О советской политике в отношении опиума в Центральной Азии см. Alisher Latypov, "The Opium War at the 'Roof of the World': the 'Elimination' of Addiction in Soviet Badakhshan," *Central Asian Survey* 32:1 (2013), pp. 19–36.

4 Niccolò Pianciola, "Illegal Markets and the Formation of a Central Asian Borderland: The Turkestan–Xinjiang opium trade (1881–1917)," *Modern Asian Studies* 54:6 (2020), pp. 1828–1875; idem, "Scales of Violence: The 1916 Central Asian Uprising in the Context of Wars and Revolutions (1914–1923)," in *The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution*, ed. Aminat Chokobaeva, Cloé Drieu, and Alexander Morrison (Manchester: Manchester University Press, 2020), pp. 169–190.

5 Центральный государственный архив Республики Казахстан (здесь и далее ЦГАРК), 44/1/37979/69-73об, Доклад военного губернатора Семиречья генерал-губернатору Туркестана, Александру Васильевичу Самсонову (январь 1912).

типично трансграничный рынок, развернув товарный поток в сторону центра. Впервые в царской империи во время Первой мировой войны была предпринята попытка мобилизовать опиум - ресурс, необходимый для военных действий в качестве сырья для производства морфия, который давали раненым солдатам. Эта попытка была частью более общей и беспрецедентной царской мобилизации социальной поддержки и экономических ресурсов. Попытка, которая быстро оказалась фатальной для империи.⁶ Как я показал в другой работе, стремление контролировать производство опиума и разрушить трансграничную экономику должно занять важное место в истории среднеазиатского восстания 1916 года, а значит, и в истории позднецарской мобилизации и катастрофической демобилизации во время Первой мировой войны.⁷

Политика военного времени в отношении туркестано-синьцзянской границы возымела критическое воздействие на большевистскую политику межвоенного периода. В настоящей статье будут описаны меры, осуществляемые большевистским правительством в целях увеличения производства опиума и обеспечения контроля со стороны государства во времена новой экономической политики. Я продемонстрирую, как большевистские меры по контролю за производством опиума в Центральной Азии в 1920-е годы были основаны на раннее неудавшейся попытке установления царской государственной монополии. Политика большевиков в отношении опиума в 1920-е годы была в значительной степени основана на царском опыте даже учитывая то, что советское правительство внедрило важные улучшения в плане экономических стимулов для производителей. Но самое главное: большевики были успешны именно потому, что трансграничная экономика была ослаблена частичным уничтожением маководческих общин (хуэй и таранчей) во время Гражданской войны в регионе и диктатурой "красных новоселов" (переселенцев из России и Украины, прибывших в регион незадолго до Первой мировой войны), установленной в Южном Семиречье в 1918 и 1919 годах. Это привело к частичной "этнической преемственности" в производстве опиума - ситуации, в которой кыргызы играли более важную роль в выращивании опионого мака по сравнению с периодом до 1916 года.

Таким образом, в этой статье также рассказывается история межимперского пограничья в Центральной Азии в начале XX века. Мое внимание, как и источники, в основном сосредоточены на советской стороне трансграничного региона. Дискурс геополитического соревнования, которым пользовались дипломаты, чиновники и позднее историки, недостаточен для объяснения провалов в госстроительстве

6 См. Eric Lohr and Joshua Sanborn, "1917: Revolution as Demobilization and State Collapse," *Slavic Review* 76:3 (2017), pp. 703–709.

7 Pianciola, "Scales of Violence."

на приграничных территориях. В то же время, если сводить историю приграничья к захвату ранее единого общества и разделению его границами империи, то она будет лишена тех особенных социальных, экономических и культурных аспектов, которые возникают в приграничных сообществах. Фокусируясь на опиумном трафике в приграничье между Туркестанской областью Семиречья и Синьцзяном, эта работа демонстрирует меняющиеся свойства политической границы в геополитически важной точке соприкосновения между царской империей и империей Цинь в Центральной Азии. Опиум особенно важен для изучения приграничья, поскольку он как товар пребывал в «серой» зоне между законом и преступлением. Значим и сам рассматриваемый период, поскольку он охватывает различные фазы коллапса и восстановления имперской администрации в Центральной Азии по обеим сторонам границы.

1. Экономика войны: крах царистской монополии

Перед войной царская империя ввозила опиум из-за границы для фармацевтических нужд. Между 1900 и 1911 годами каждый год импортировалось около 500 пудов (8,2 тонн) опиума. В 1913 ввезли 1001 пуд (16,4 тонн) опиума на сумму в 230 521 рубль.⁸ Война положила конец торговле, поскольку царская империя полностью зависела от опиума из Османской империи, ставшей теперь военным противником. В действительности же половина импортного опиума прибывала в Россию не из Османской империи, а из Германии: немецкие компании выступали коммерческими посредниками. Больше половины импорта составлял не опиум-сырец, а алкалоиды (морфин, кодеин) и производные (дионин и героин). Вплоть до войны российская фармацевтическая промышленность была неконкурентоспособна на внутреннем и международном рынках из-за тарифной политики российского государства в отношении опиума и морфина, что делало импорт морфина более простым и выгодным делом, нежели его производство из ввезенного опиума-сырца.⁹ Во время войны импорт переориентировался на индийский и персидский опиум. Последний, кстати, стал для Персии одной из главных статей экспорта во всей структуре российско-персидской торговли. Цены продолжали расти, поскольку спрос на морфин вырос многократно из-за миллионов

8 Российский Государственный Архив Экономики (здесь и далее РГАЭ), 3429/3/170/1–14, Доклад В.И.Массальского, «К вопросу о возможности экспорта опия» (Труды секции внешней торговли отдела торговой и финансовой политики В.С.Н.Х.), 11.06.1923.

9 До 1922 года, когда тариф поменялся, за ввоз 10 пудов опиума (необходимых для производства 1 пуда морфина) взимали 225 рублей; в то же время за ввоз 1 пуда морфина следовало уплатить всего 80 рублей. Ср. РГАЭ, 3429/3/170/1, Доклад В.И.Массальского, 11.06.1923.

раненых с фронта.

Во время войны правительство помимо импорта пыталось нарастить внутреннее производство опиума и впервые ввести государственную монополию на опиумные закупки. Вводимые ограничения впервые коснулись выращивания мака в Семиречье сразу после вступления Российской империи в войну и стали первой попыткой контроля за производством опиума и его сбытом. В других граничащих с Китаем районах опиумное производство регулировалось административными методами. Соглашение с правительством Китайской республики заставило Петроград 7 июня 1915 года ввести закон, полностью запрещающий выращивание опиума в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальская область).¹⁰ В Семиречье же все ограничения на выращивание мака были сняты в 1916 году. Это означало, что 1916 год ознаменовал создание первой государственной опиумной монополии и сосредоточение всего опиумного производства в Семиречье. Если бы государство смогло переориентировать на внутреннее потребление весь незаконно экспортируемый из региона опиум, Семиречье могло бы обеспечить больше опиума, чем ввозилось из-за рубежа до войны.

Разрешения на выращивание опиума выдавались отдельным крестьянам, которые подписывали официальный документ, по которому обязывались передавать весь урожай опиума государству. При этом администрация не знала точной площади маковых посевов. В Джаркентский, Пржевальский и Пишпекский уезды рассылались специальные уполномоченные с заданием произвести замеры площади, засеваемой маком. Когда все замеры были сделаны, выяснилось, что реальная посевная площадь была на 36 процентов больше, чем предполагалось (5310 десятин вместо 3910). Вновь выявленные 1400 десятин были быстро «легализованы» без каких-либо последствий для крестьян. Более поздние оценки позволяют предположить, что в действительности маком засеивались гораздо большие площади.¹¹

Чтобы избежать попадания опиума в Китай, в 1916 году царская администрация организовала сложную систему контроля за его производством и сбытом. Семиреченские уезды были поделены на

10 Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), 702/3/151/235, Высочайше утвержденное положение Совета министров «О мерах по борьбе с опиекурением» (вырезка из «Правительственного вестника» 20.06.1915).

11 Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (здесь и далее ЦГАРУз), Р-25/1/530/608–608об, Журнал заседания Совнаркома, 24.06.1920; Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее РГАСПИ), 122/1/220/1об, Доклад председателя комиссии по изысканиям в целях строительства железной дороги в Семиречье, инженера Фролова (без даты, год 1921 или 1922). Фролов приводит данные по В.А.Васильеву, Семиреченская область, как колония (1913).

18 областей, каждая из которых находилась под контролем одного наблюдателя. В задачи наблюдателя входила регистрация посевной площади, наблюдение за урожаем и хранение опиума до его перевозки на постоянное хранение. Государственные цены на опиум устанавливались, исходя из содержащегося в нем морфина.¹² Но соревнование со спросом на опиум из-за границы было проиграно с самого начала. Китайские дельцы из Синьцзяна были готовы платить по 40 рублей за 1 фунт, т.е. примерно в четыре раза выше госцены. Поэтому государственный план на 1916 год по сбору 5000 пудов провалился: крестьяне успешно утаивали часть урожая для торговли с Китаем.¹³

Выполнению плана помешало и вспыхнувшее в Центральной Азии антицаристское восстание. Дунгане принимали особо деятельное участие в мятеже. Пржевальский уезд, примыкавший вплотную к китайской границе в южном Семиречье, стал местом наиболее кровавых действий во всем Туркестанском генерал-губернаторстве, как со стороны кыргызских и дунганских мятежников, так и со стороны царской армии, подавившей восстание.¹⁴ В итоге 87 процентов жертв восстания среди европейского населения оказались сосредоточены в сравнительно небольшом Пржевальском уезде, центре опиумного производства Туркестана. В других областях Туркестана (кроме Семиречья) было убито 196 европейцев, в трех других уездах Семиречья – 146 европейцев убито, 85 пропало без вести; в одном Пржевальском уезде – убито 2179 человек и 1299 пропало без вести, в основном – женщины и дети, похищенные и увезенные в Китай бежавшими кыргызами и дунганами.¹⁵ Большинство жертв были крестьянами славянского происхождения, иммигрировавшими в зону восстания перед войной, а также представителями администрации.

12 Химические анализы урожая 1916 года показали, что весь семиреченский опиум отличается высоким содержанием морфина: 12.8% в Пишпекской области, 9% в Пржевальске; в джаркентском опиуме некая промежуточная цифра. См. *Свириловский Е.И.* Культура мака и добывание опия в Семиречье (отчёт о командировке в Семиречье). Петроград: А.Е. Винеке, 1917. С. 8, 12, 21–22.

13 РГАЭ, 3429/3/170/5 (11.06.1923), Доклад В.И. Массальского.

14 *Джамиля Маджун.* Восстание 1916 г. в контексте международных отношений в Центральной Азии и участие в нем дунган. Бишкек: Национальная АН Кыргызской Республики, 2016.

15 Общее число погибших европейцев во время туркестанского восстания составляет таким образом 2521 человек (плюс 1457 пропавших без вести, в основном похищенных); был убит также 21 представитель царской администрации центрально-азиатских национальностей (11 в Фергане, ни одного в Семиречье). См. «Доклад генерал-губернатора А.Н. Куропаткина Царю Николаю II о причинах восстания 1916 года и мерах принятых администрацией для его подавления» (22.02.1917), в «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов», сост. А.В. Пясковский и др. Москва: Издательство Академии Наук, 1960. С. 87–100; E. D. Sokol, *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1954), pp. 120–121.

Во время восстания был убит один из помощников уполномоченного по урожаю опиума в Семиречье и 14 солдат вооруженной охраны по контролю за производством опиума (то есть приблизительно четверть всей охраны).¹⁶ Наиболее вероятное объяснение такого необычного «пика насилия» в Пржевальском уезде, если сравнивать его с восстанием 1916 года в других регионах Туркестана, связано с трансграничной опиумной экономикой. Выращиванием мака, производством и торговлей опиумом в этот момент занимались не только дунгане и таранчи, но и казахи и кыргызы, которые часто переправляли его через границу в Синьцзянь. Вновь введенная государственная опиумная монополия 1916 года представляла собой прямую угрозу интересам большинства населения уезда.¹⁷

Уже собранный урожай опиума был спасен от разгневанных мятежников, но после восстания рухнувший механизм государственной закупки опиума уже не смог восстановиться. Было собрано и отправлено с военным эскортом в Петроград всего 1300 пудов – четверть запланированного урожая. Даже с учетом провального урожая в Семиречье, рыночная цена этих 1300 пудов (1 миллион рублей) все еще позволяла держать цены на российском рынке опиума на относительно низком уровне (850–900 рублей за пуд), в то время как другой наиболее доступный для России опиум – персидский – продавался по цене в 1600 рублей за пуд.¹⁸ Объем вывезенного из Семиречья опиума был сравним с общим импортом опиума и опиатов в царской империи перед Первой мировой. Хотя это способствовало особенно жестокому восстанию в некоторых районах Туркестана, царская политика монополии на опиум достигла своих целей.

Царская армия безжалостно подавила восстание, уничтожив также некоторое число китайских подданных. Вспышки столкновений и проявление насилия между славянскими поселенцами и коренным населением продолжались и в 1917 году, к концу которого государственная администрация в этом районе просто прекратила существование. Слабые представители Временного правительства были вскоре сброшены, а сам Туркестан вообще оказался отрезан от центральной России, так как антибольшевистские группы казаков взяли под контроль Оренбург, который являлся важнейшим железнодорожным узлом между

16 РГАЭ, 3429/3/170/5 (11.06.1923), Доклад В.И. Массальского.

17 Джамия Маджун. Внесение культуры опиумного мака и его влияние на трагические события 1916 года в Семиречье // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2017. 16/1. С. 102–110; Саламат Малабаев. Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916: Уроки общей трагедии) / Под ред. Т.В. Котюковой. М., 2016. С. 119–126; Pianciola, "Scales of Violence."

18 РГАЭ, 3429/3/170/6, Доклад В.И. Массальского, 11.06.1923.

Москвой и Ташкентом. Местные крестьянские сообщества Туркестана, провозгласившие «власть на местах», перестали платить налоги и отвечать на требования со стороны правительства.¹⁹ Местные органы администрации больше не реагировали на указания центра.

Таким образом, царская администрация смогла извлечь выгоду только из одного урожая опиума в Семиречье, урожая 1916 года, прежде чем рухнуть под тяжестью военных действий и вызванного ими экономического и политического кризиса. Монополия 1916 года сделала антиколониальное восстание того года гораздо более жестоким в районах производства опиума, чем в других районах Туркестана и казахских степей.

2. Гражданская война в Семиречье и «опиумный стандарт» БОЛЬШЕВИКОВ-ПОСЕЛЕНЦЕВ

К 1917 году, к моменту краха царской империи, опиум превратился из товара, на межграницную торговлю которым государство до войны смотрело сквозь пальцы, в один из главных активов, производимых Семиречьем. Более того, местная власть почти полностью контролировала этот актив. Рыночная стоимость этого товара была значительно выше любого другого, производимого в области. Опиум имел очень низкую потребительскую стоимость в регионе и не имел проблем с хранением. Значит, он был ликвидным в любой момент, что было важно ввиду сильного спроса в Синоцзяне, через границу. Таким образом, опиум оказывался самым ценным продуктом, производимым в регионе, и, соответственно, главной потенциальной экономической базой для многочисленных вооружённых групп, которые соперничали за власть в регионе во время Гражданской войны.

В Семиречье с 1918 по 1920 год Гражданская война была преимущественно локальным конфликтом из-за земельных вопросов – владения землей и доступа к ней: вновь прибывшие славяне, зачастую безземельные и объявившие себя большевиками, воевали с местным казачеством, в массе своей настроенном анти-большевистски. Казаки владели большей частью плодородных сельскохозяйственных площадей в области. Враждебность казахов и кыргызов к недавним переселенцам было гораздо сильнее, чем по отношению к казакам, что и находило отражение на местных фронтах Гражданской войны. Недавно иммигрировавшие славяне-новоселы стали главными проводниками насилия против казахов и кыргызов после подавления восстания 1916 года. Численное преимущество поселенцев-«большевиков» и наличие у них поддержки из Ташкента, контролируемого большевистскими силами, привело к

19 Марко Буттино. Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М.: Звенья, 2007. С. 211–238.

поражению семиреченского казачества и его казахских союзников.²⁰

Опиум, как и хлеб, был главным богатством региона. Соответственно, он не мог не стать основой экономической политики солдат и поселенцев, объявивших себя большевиками и взявших власть в Верном, Пишпеке и других местностях региона в марте 1918 года. Большевик Георгий Сафаров, в своем исследовании революционного периода в Туркестане, описывал краевую экономику времен Гражданской войны как «анархическое эмиссионное хозяйство».²¹ В Ташкенте были выпущены в огромных количествах «Туркестанские кредитные билеты», их использовали в платежах как бумажные деньги. Вместе с крахом производства и разрывом торговых связей с Россией это привело к гиперинфляции и стремительному росту цен на продукты в Ташкенте.²² Помимо Ташкента, банкноты печатались также компанией, которая контролировала угольные шахты в Кызыл-Кие (Южная Фергана), а также семиреченскими «большевиками». Денежная эмиссия последних базировалась на «опиумном резерве, хранящемся на складах краевого [революционного] Комитета».²³

Денежная эмиссия семиреченских большевиков началась в апреле 1919 с выпуска 7,2 миллионов рублей.²⁴ Сравнимое количество банкнот было выпущено в мае и в июне. Всего за три месяца было напечатано чуть меньше 26,5 миллионов рублей, почти все 250-рублевыми банкнотами, которые затем распределялись по разным уездам.²⁵ С большой степенью уверенности можно считать, что эти деньги использовались для покрытия хозяйственных нужд военных отрядов (покупка скота, хлеба и пищи у местных крестьян), которые вели боевые действия против антибольшевистских формирований. В том же архивном фонде сохранились расписки, которые выдавало отделение Государственного банка в Верном в обмен на вносимые «куски» (в документах не указывается вес) опиума из Пишпека. Ежемесячно пакет с шестью «кусками» опиума отправлялся из Пишпека в Верный, где помещался в банковское хранилище.²⁶ У нас нет информации о том, на каком экономическом

20 Niccolò Pianciola, *Stalinismo di frontiera: colonizzazione Agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia Centrale* (Roma: Viella, 2009), pp. 144–152.

21 Георгий Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). Oxford: Society for Central Asia Studies, 1985 [оригинальное издание: Госиздат, 1921]. С. 163.

22 Народное Хозяйство Туркестана, № 3, 15.02.1920, цит. по Сафаров, Колониальная революция. С. 164.

23 Сафаров. Колониальная революция. С. 164.

24 ЦГАРК, 239/1/33/16 (апрель 1919), Комиссия по заготовлению кредитных билетов для Семиреченской области.

25 ЦГАРК, 239/1/33 (1919), “Верненское Отделение Государственного банка, Комиссия по заготовлению кредитных билетов для Семиреченской области”. Точная цифра составила 26,483,824 рублей.

26 ЦГАРК, 239/1/43/39 (05.1919); 239/1/43/41 (12.06.1919), Переписка (телеграммы/расписки) между Верненским отделением Государственного банка и Пишпекским

расчете основывалась эмиссия валюты, т.е. были ли цены на опиум на главном опиумном рынке Семиречья и Синьцзяна основой для оценки стоимости опиума, хранившегося в банке в Верном, и, следовательно, для эмиссии рублей - но это вполне вероятно. Тот факт, что большевистская власть в Семиречье была вынуждена печатать банкноты быстро растущей номинальной ценности, показывает, что банкноты, напечатанные на основе опиума, быстро теряли стоимость и были подвержены инфляции.

Когда опиумное производство монополизировали «большевики» Семиречья, Синьцзянская администрация по наущению российского консульства в Синьцзяне (которое поддерживало белых) пыталась воспрепятствовать тому, чтобы китайские подданные пересекали границу для работы на выращивании мака. Но эти попытки в целом провалились: в 1919 году значительное число крестьян пересекло границу с Семиречьем.²⁷ Даже Гражданская война не смогла изменить укоренившиеся экономические и социальные отношения в туркестано-китайском приграничье.

В начале 1920 года Семиречье было занято Красной Армией, пришедшей из центральной России под предводительством Михаила Фрунзе, одного из ведущих большевистских военных командиров, который сам был родом из Семиречья.²⁸ В течение года в крае еще поднимались отдельные мятежи. Их начинали как антибольшевистские силы, так и «большевистские» поселенцы, которые заняли регион во время Гражданской войны и теперь были разоружены армией Фрунзе. Мятеж вспыхнул в июне 1920 года и был с легкостью подавлен.²⁹ В декабре 1920 года была уничтожена последняя антибольшевистская группа. Она базировалась в Джаркентском уезде, ее возглавлял казак, бывший войсковой старшина Семен Емельянович Бойко. Главным активом этой организации был опять же опиум. Из 236 человек, которых ЧК считала членами организации, 169 были казнены в начале 1921 года.³⁰

После частичного истребления и изгнания дунган и таранчей из Семиречья и изоляции области от других частей бывшей царской империи (но не от Синьцзяна) опиум стал важнейшим экономическим ресурсом для большевистских поселенцев, пришедших к власти в регионе во время гражданской войны. Поэтому исчезновение части

отделением Государственного банка. Стоит иметь в виду, что поскольку доставка произошла в мае-июне, это значит, что опиум из Пишпека относился к урожаю 1918 года и был отправлен в Верный исключительно в связи с денежной эмиссией.

27 Собрание декретов губернатора Яна Цэнсиня, Том 19 Генгджи 3: 覆國務院禁止中民赴俄種煙函 (Ответное письмо Госсовету о запрете для китайских граждан ездить в Россию выращивать опиум. 25 апреля 1919), стр. 2363.

28 Он родился в 1885 году в Пишпеке, в семье румынского врача и его русской жены.

29 Pianciola, *Stalinismo di frontiera*, pp. 153–160.

30 РГАСПИ, 61/2/44/36-36об (25.03.1921). Доклад: краткий обзор общего политического-экономического положения Семиреченской области в прошлом и настоящем.

прежних производителей и военное положение не привели к снижению производства и торговли, которые стали гораздо важнее для местных властей, чем до революции. После отвоевания региона большевиками из центра России политический интерес к торговле снизился. В сентябре 1920 года российские граждане потеряли право на экстерриториальность в Синьцзяне. Это решение московского правительства, скорее всего, было направлено на ослабление принципа равных привилегий, которым пользовались британские подданные в регионе.³¹ Нет никаких признаков того, что трансграничное производство и торговля опиумом особенно пострадали от такого развития событий, как мы увидим в следующем разделе.

3. Опиумный НЭП

В 1923 году Клермонт Персиваль Скрайн, генеральный консул Британии в Кашгаре, направил британскому правительству в Индии доклад об опиумной торговле между советской провинцией Семиречье и китайским Синьцзянем за предшествовавшие три года.³² Англичане наблюдали за опиумной торговлей в регионе в свете дипломатических переговоров, которые велись в Комиссии по опиуму Лиги Наций,³³ а также потому, что индийские торговцы были вовлечены в оборот наркотиков, затрагивавший северную Индию, Афганистан, советский Туркестан и Синьцзян. Согласно Скрайну, торговля процветала; местная и центральная советская администрация была полностью в курсе дела; местная администрация в Синьцзяне также получала доход от коммерции. Хотя советское правительство и запретило выращивание опийного мака в 1920 году, в том же году

Красная Армия в борьбе с Колчаком была настолько истощена материально, особенно это касалось обуви, что было решено изменить политику. Так что большевики не только продавали китайским властям в Или большие объемы опиума, конфискованные у крестьян, но и всячески поощряли выращивание мака. Огромное количество кожи, обработанной и нет, тканей, краски и т.п. ввозилось в Россию из Китая в 1920-1921 гг. в обмен на опиум по чрезвычайно сходным ценам.³⁴

31 Emily Whewell, *Law Across Imperial Borders: British Consuls and Colonial Connections on China's Western Frontiers, 1880-1943* (Manchester: Manchester University Press, 2020), 154.

32 Несколькими годами позже Клермонт Скрайн (1888-1974) опубликовал книгу об своей службе генеральным консулом в Кашгаре с 1922 до 1924 года: C.P. Skrine, *Chinese Central Asia* (London: Methuen, 1926).

33 Хотя Советский Союз в то время не был членом Лиги Наций, пункт англо-советского торгового соглашения 1921 года обязывал его соблюдать соглашения, заключенные государствами, входящими в Лигу, в отношении торговли опиумом.

34 British Library, Oriental and India Office Collections, L/PS/11/243 (09.11.1923), "Opium Traffic between Chinese Turkestan and Semirechia [sic]," от К.П.Скрайна, эскавай-

Британский консул, описывая опиумное производство в Туркестане и трансграничный опиумный рынок, плотно контролируемые большевистским правительством и местной китайской администрацией, помещал происходящее в этом регионе в привычный нарратив Большой игры. Действительно, вполне вероятно, что администрация Синьцзяна была вовлечена в эту торговлю. Илийская кожевенная компания (皮毛公司) была главной корпорацией, контролируемой правительством в Или в то время, поэтому упоминание британским консулом о коже можно интерпретировать как дополнительное доказательство прямых сделок торговцев опиумом с советской землей с китайскими чиновниками.³⁵

При взгляде же из коридоров советских комиссариатов в Москве и Ташкенте ситуация представлялась совершенно иной. Производство опиума и государственный контроль за этим находились в шаткой ситуации с 1920 по 1923 годы. Выращивание мака поощрялось, но централизованной и организованной государственной политики в этом отношении не существовало. В июне 1921 года Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) отправил следующую телеграмму из Москвы в Центральный исполнительный комитет Ташкента: «Мы просим обеспечить всевозможную поддержку опиумным плантациям, поскольку опиума и опийных веществ не хватает для медицинских нужд».³⁶ Как во времена Первой мировой войны, так и в 1921 году Семиречье оставалось центром опиумной политики зарождающегося Советского Союза. Применявшиеся там практики рассматривались как модель для других регионов, местная администрация разбиралась в теме значительно лучше, чем в других регионах.

Нормы, регулирующие производство и сбыт опиума в Семиречье в 1922 году, были продолжением тех, что существовали в военное время и были нацелены на полную государственную монополию и подавление любой контрабанды. В этом смысле история производства опиума и управления рынком его сбыта в период НЭПа заметно отличается от истории основных советских сельскохозяйственных продуктов, т.е. различных видов зерна. В отношении последнего царское государство ввело монополию военного времени, которая была продолжена большевиками в период Гражданской войны, но по правилам новой экономической политики, введенной в марте 1921 года, свободная торговля зерном была восстановлена (в ней участвовали как государственные заготовительные организации, так и, прежде всего, частные торговцы).

ра, генерального консула Его Британского Величества, секретарю Правительства Индии, Департамент политики и иностранных дел, Дели. В этом документе Скряин ссылается на свой предыдущий «Доклад о торговле в 1922 году»; описываемая им ситуация относилась к тому году.

35 Я в долгу перед одним из анонимных рецензентов за это замечание.

36 РГАЭ, 3429/1/2632/1, Телеграмма председателя ВСНХ Туркестанскому ЦИКу о развитии плантаций опиумных [sic!] культур в Туркестане, 24.06.1921.

Несмотря на это, производство и торговля опиумом по-прежнему жестко контролировались. Разрешение на маковый сев в Семиреченской области выдавалось исключительно Секцией технических растений, ее местными служащими. Посевы, сделанные без разрешения, подвергались конфискации в пользу государства либо уничтожались. Разрешение на сбор выдавалось каждому крестьянину при условии, что он обязывался передать весь опиумный урожай государству на условиях Секции. Как и во время войны, нормы урожая не менялись от года к году: предписанной нормой был один пуд опиума с десятины. Наконец, наиболее важным ограничением был запрет на выращивание мака в Семиреченской области для китайских подданных. Выращивание мака и производство опиума было запрещено в полосе шириной 25 верст вдоль границы.³⁷ Большевицкая администрация Туркестана прогнозировала урожай 1922 года на уровне приблизительно 2000 пудов (32,8 тонны), стоимостью в 250 золотых рублей за пуд.³⁸ Народный комиссариат здравоохранения информировал Совет труда и обороны (СТО) о том, что советской промышленности требуется 1000 пудов для производства лекарств (морфина и кодеина), оставшийся объем мог быть направлен на экспорт, обеспечивая приток в бюджет 250 000 золотых рублей.³⁹ В начале июля 1922 года советское правительство Туркестана попросило Совет труда и обороны в Москве повлиять на Госбанк РСФСР⁴⁰ в целях выделения дополнительных финансовых средств для покупки урожая семиреченского опиума, оцениваемого в 2000 пудов. Ташкент подчеркивал значение опиума не только для Наркомата здравоохранения (который сразу поддержал запрос отдельной телеграммой в СТО), но и для экспорта. Имелся риск, сообщил Ташкент, что весь урожай опиума окажется в Сынцзяне посредством контрабанды, избегнув тем самым предназначенных ему советским государством благих целей. Однако восемь дней спустя дирекция Госбанка лаконично ответила СТО, что ташкентский проект «закупки опиума отвергнут из-за нехватки текущих средств». СТО получил тот же ответ от Наркомата внешней торговли, который писал буквально следующее: «мы не можем

37 РГАЭ, 3429/1/4233/28–28об, Правила по заготовке опия в Семиречье (1922).

38 Государственный Архив Российской Федерации (здесь и далее ГАРФ), 6751/2/309/1, Телеграмма, Москва СТО, из Ташкента, 04.07.1922. Золотые рубли, о которых шла речь в телеграмме, были царскими золотыми рублями, все еще находившимися в обращении. В отличие от банкнот, напечатанных в период войны и революции, их стоимость не была уничтожена гиперинфляцией. Советское правительство начало эмиссию собственной валюты частично основанной на золоте (червонец), несколько месяцев спустя, в ноябре 1922 года.

39 ГАРФ, 6751/2/309/5, Телеграммы из Наркомздрава РСФСР в С.Т.О., 14.07.1922.

40 Государственный банк РСФСР был создан в октябре 1921 года (с момента начала новой экономической политики его функции выполнял нарком финансов). В 1923 году он был реорганизован в Государственный банк СССР (Yasushi Nakamura, *Monetary Policy in the Soviet Union: Empirical Analyses of Monetary Aspects of Soviet Economic Development* [New York: Palgrave Macmillan, 2017], pp. 16–17).

приобрести опиум».⁴¹ В 1922 году денежная реформа, которая должна была стабилизировать инфляцию и денежную эмиссию в Советской республике, только началась, и государство находилось в критической бюджетной ситуации.⁴² Таким образом, попытки советского государства купить урожай в 1922 году закончились полным фиаско. В следующем 1923 году ВСНХ оценил итоги кампании по сбору опиумного урожая как совершенно катастрофические: вместо предполагаемых 3000 пудов опиума было собрано всего 500.⁴³

В то же время ВСНХ отверг предложение передать организацию и проведение сбора опиумного урожая тресту «Сантонин», созданному для управления единственной в Туркестане лекарственной фабрикой, расположенной в Чимкенте.⁴⁴ В «Сантонине» заявили, что для производства опиатов в 1923-24 хозяйственном году тресту необходимо 2000 пуд опиума.⁴⁵ Туркестанское советское руководство предпочло вместо этого использовать свои запасы опиума - очевидно, накопленные за предыдущие три года - более прибыльным способом, воспользовавшись возможностями, открывшимися благодаря новой экономической политике. В марте 1923 года туркестанское правительство подписало контракт на продажу огромного количества опиума: 500 пудов (8200 кг), что было эквивалентно всем государственным сборам за год, двум предпринимателям, г-ну Певзнеру и г-ну Жданову. Опиум должен был быть отправлен во Владивосток, в распоряжение этих двух предпринимателей, которые, предположительно, должны были доставить его в Китай для продажи. Однако, когда опиум был должным образом обработан, упакован и даже застрахован, и когда часть его уже достигла Владивостока, Дальневосточное бюро Коммунистической партии перехватило ящики и поместило опиум в хранилище местного Госбанка. Ташкент пытался опротестовать действия Дальневосточного бюро, связавшись с московским руководством: Сталиным, Рудзутаком и Советом труда и обороны. Ташкент называл действия Дальневосточного бюро незаконными, утверждая, что правильно выполнял договор, подписанный с г-ном Певзнером. Ташкент также заявлял, что сам Рудзук дал письменное разрешение на проведение

41 ГАРФ, 6751/2/309/1-6, Телеграммы из Наркомздрава РСФСР в С.Т.О., 3-17.07.1922.

42 Денежная реформа 1921-1924 гг.: создание твердой валюты: документы и материалы / Сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. М.: РОССПЭН, 2008; Федоров Я. Старые и новые деньги. Денежная реформа 1924 года. М.: ГИЗ, 1924.

43 ГАРФ, 374/12/649/23, Протокол заседания ЦПЭУ ВСНХ по вопросу об образовании Акционерного Общества по заготовке опиума в Туркестане, 23.11.1923

44 ГАРФ, 374/8/422/1, Замнарком Рабоче-Крестьянской Инспекции Секретариату СТО СССР по делу о передаче Туркциком тресту "Сантонин" опиума сбора 1923 г., 04.05.1924.

45 ГАРФ, 374/12/649/23, Протокол заседания ЦПЭУ ВСНХ по вопросу об образовании Акционерного Общества по подготовке опиума в Туркестане, 23.11.1923.

этой операции.⁴⁶ Беспокойство Дальневосточного бюро было связано с тем, что разрешение на ввоз столь значительного количества советского опия, выданное частным предпринимателям и нарушавшее китайские законы, на самом деле было государственным вопросом. По сообщению московского ВСНХ, туркестанский опиум, отправленный во Владивосток, не мог быть отправлен в Китай до решения общего вопроса о торговле опиумом на Дальнем Востоке.⁴⁷ Спустя месяц Комиссариат внешней торговли поддержал решение Дальневосточного бюро, поскольку недавно подписанное англо-советское соглашение обязывало советскую сторону соблюдать все условия, установленные международными конвенциями, запрещающими торговлю опиумом.⁴⁸ Что произошло с семиреченским опиумом на Дальнем Востоке в дальнейшем, нам неизвестно.

4. СОВЕТСКАЯ ТОРГОВЛЯ ОПИУМОМ

В следующем году система опиумной монополии была реорганизована. Была создана новая госкомпания – Акционерное общество по сбору и переработке опия (АКОСПО), ее устав был зарегистрирован 29 октября 1924 года.⁴⁹ АКОСПО, также благодаря стабилизации стоимости валюты, начало сбор опиума в Центральной Азии осенью 1924 года. На основании директивы Наркомата внешней торговли от января 1926, вопреки позиции Наркомфина, в августе 1926 года Совнарком СССР назначил АКОСПО единственным полномочным закупщиком опиума и расширил его монополию на территорию всего Советского Союза.⁵⁰ Это было

46 ГАРФ, 6751/2/237/2, Телеграмма из Ташкента - Москва, ЦКРКП Сталину, ЦКРКП Рудзутаку, тов. Цюрупе Председателю СТО, 02.07.1923.

47 ГАРФ, 6751/2/237/3, Москва, Президиум ВСНХ - в Совет Народных Комиссаров, 18.08.1923.

48 ГАРФ, 6751/2/237/5, НКВТ - Управление делами СТО, По делу о запроданном ТуркВСНХ гражданам Певзнеру и Жданову опии, 18.08.1923.

49 ГАРФ, 374/12/649/21об. Акции общества, капитал которого составлял 400 000 рублей, были разделены между Наркомторгом СССР (32.25%), "Госмедторгпромом" (32%), Гострестом "Сантонин" (32%), "Упсырзаг" Казахстана (1.875%), "Киргизсырье" Киргизской Автономной области (1.875%), ср. ГАРФ, Р-374/12/649/16. Об официальных обсуждениях по вопросу реорганизации и централизации советского опийного хозяйства см. Дина Аманжолова (ред.), «Вопрос об упорядочении нашего опийного хозяйства весьма сложен». Доклад комиссии Госплана СССР «Опиум и наркотики в СССР». 1924 г. // Исторический архив. 2003. №3. С. 88–98.

50 ГАРФ, 374/12/649/19, Выписка из газеты "Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов" от 03.09.1926, №202/2833/, Действия и распоряжения правительства СССР, Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза ССР «Огосударственной монополии на опий», 27.08.1926. Подписи: Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР Г.Петровский, зам.председателя Совета народных комиссаров Союза ССР Я.Рудзутак, секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР А.Енукидзе.

простым расширением сферы деятельности организации опиумного производства, которое уже имело место в Семиречье с 1924 года.⁵¹ В первых черновиках проекта производство опиума было запрещено за пределами Казахстана, Киргизии и Дальнего Востока России. Однако в конечном итоге эта статья была исключена из окончательного варианта постановления.⁵² Дискуссия о монополии также затронула вопрос о том, предпочтительно ли предоставить АКОСПО монополию только на спрос (т.е. сделать АКОСПО единственным легальным покупателем опия на советской территории), но избежать контроля этой организации над выращиванием мака и производством опия. В конечном счете, однако, все заинтересованные учреждения (ВСНХ, Госплан, Наркомздрав и АКОСПО) предпочли иметь государственный контроль как над производственным процессом, так и над торговлей. По их мнению, монополия исключительно на закупку опия в СССР создала бы возможности для контрабанды и развития внутреннего черного рынка, существовавшего за счет практики неспешного курения опия (впрочем, монополия была скорее фиктивной, чем реальной, особенно на Дальнем Востоке).⁵³ Принятое окончательное решение фактически превратило маководов Центральной Азии и Дальнего Востока в своего рода государственных крестьян.

Это решение было также связано с новым международным запретительным дискурсом, важнейшей ареной которого стала Лига Наций. Сеть международных соглашений, связанных с торговлей опиумом и его курением и решительно направленных на запрет этих практик, стала результатом новых межгосударственных контактов 1920-х годов. В связи с этим советское правительство даже создало комиссию при Центральном исполнительном комитете для обсуждения проблемы «борьбы с посевом наркотических растений и курением опиума». Комиссия просуществовала до марта 1926 года, и ее заключительным актом стало именно предложение распространить на весь Советский Союз монополию АКОСПО.⁵⁴

В период с 1924 по 1926 год государство закупало опиум как из-за границы (1112 пудов), так и у АКОСПО (1700 пудов). В середине 1920-х годов СССР импортировал опиум из Персии (11,45 тонны) и Великобритании (6,75 тонны, скорее всего, индийского опиума). Таким образом, общий объем советского импорта был примерно таким же, как и до революции,

51 Ср. ЦГАРК, 962/19/15/24, 25, 32, Материалы по организации развития опийной промышленности в Казахстане (1925–1927).

52 ГАРФ, Р-5446/9а/583/11, Проект: Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР (1926).

53 ГАРФ, Р-5446/9а/583/42–42об, Докладная записка ВСНХ, Госплана, Наркомздрава, и АКОСПО в административно-финансовую комиссию при Совнаркоме СССР по вопросу о госмонополии на опий. 26.07.1926.

54 ГАРФ, Р-1235/71/390/1, Выписка из протокола №. 42 заседания президиума ЦИК СССР, 26.03.1926.

несмотря на то, что после Первой мировой войны Персия, а не Османская империя/Турция стала самой важной страной импорта.⁵⁵ Экономическое преимущество увеличения внутреннего производства для достижения своего рода “опиумной автаркии” было очевидно: среднеазиатский опиум, закупаемый у АКОСПО, был примерно в двенадцать раз дешевле персидского и в два раза - британского.⁵⁶ Интересно, что в 1925 году Наркомат здравоохранения подсчитал, что потребность советской фармацевтической промышленности в мирное время составляла всего 256 пудов опия в год - количество, которое АКОСПО могло легко обеспечить за счет среднеазиатского опиума. Очевидно, советское правительство создавало запас опия на случай войны, поскольку в период 1924-1926 годов оно ежегодно запасало количество, более чем в шесть раз превышающее этот показатель.⁵⁷ Фактически в 1927 году Советский Союз стал самодостаточным в плане производства опия-сырца для покрытия своих нужд в морфинах и кодеинах.

Как и во время Первой мировой войны, наибольшую трудность для монополиста представляла конкуренция странсграничной контрабандой. В 1925 году АКОСПО заявляло, что контрабандисты по-прежнему приобретали опиум по ценам в 3-4 раза выше, чем ставки госмонополии.⁵⁸ Однако, в отличие от царской монополии во время войны, попытка АКОСПО контролировать региональный рынок опиума основывалась не только на репрессивных мерах пограничников, но и на экономических стимулах. В том, что касалось поощрений, самой важной мерой стала кредитная программа, которая противопоставлялась существующей системе кредитов, по которой контрабандисты из Китая оплачивали урожай вперед. Крестьяне могли получить беспроцентный госкредит при условии подписания договора с АКОСПО, который обязывал их продавать весь урожай государству. АКОСПО планировало выдавать кредиты крестьянам, возделывавшим четверть маковых площадей в 1926 году, увеличивая объемы кредитования в последующие годы.⁵⁹ Тем, кто вырабатывал больше опиума, чем предусматривала урожайность одной десятины, полагалась награда.⁶⁰ Ни один производитель не мог

55 ГАРФ, 63/36/1056, «О торговле опиума» 1916. В архивном деле сохранились документы, показывающие, как опиум закупался в Персии через Русско-Азиатский банк.

56 ГАРФ, Р-5446/9а/583/26, Представитель Киргизской АО при Президиуме ВЦИК - в Секретариат национального Совета ЦИК СССР, 12.02.1926.

57 ГАРФ, Р-5446/9а/583/34, В секретариат ВЦИК Союза ССР от члена-сотрудника Госплана СССР тов. Бушуева, 13.01.1925.

58 ГАРФ, Р-374/12/649/51об, План работы акционерного общества по сбору и переработке опия АКОСПО на 1925-1926 хоз.год (01.10.1925-01.01.1927).

59 Там же.

60 Там же. Цена составляла 2 рубля за каждый дополнительный сданный килограмм опиума. Согласно АКОСПО общее число выплат почти учетверилось между 1925 и 1926 годом.

продавать опиум АКОСПО без предварительно подписанного договора и получения документа от АКОСПО о площади маковых посевов для каждого отдельного землевладения. Уголовным преступлением являлась не только контрабанда, но и незарегистрированное маковое поле или возделываемая площадь, выходящая за рамки зарегистрированной. Незаконные маковые поля уничтожались. Достоверный учет маковых земель играл очень важную роль, однако в конце двадцатых годов государственные органы до этого были еще очень далеки. Как и во время войны, объем опиума, который подлежал сдаче государству, рассчитывался заранее на основе урожайности шести различных типов земель.⁶¹ АКОСПО организовывало крестьянские кооперативы: в 1926 году было создано 24 кооператива, в них вошло 2895 хозяйств, или 19,4% от общего числа зарегистрированных крестьян-опиеробов. Запретительная часть не отличалась от мер военного времени: запрет на сев для иностранцев (т.е. китайских граждан), запрет на сев мака в 25-десятичной полосе земли вдоль границы.

В апреле 1927 года Наркомат рабоче-крестьянской инспекции положительно оценил деятельность АКОСПО в предыдущие два с половиной года. Председатель правления АКОСПО, Александр Фёдорович Хорошев, доложил инспекторам, что компания смогла семикратно увеличить площадь законных маковых посевов, в то время как средний урожай с одной десятины вырос четырехкратно. Согласно данным Хорошева, процент опиума, нелегально вывезенного из Туркестана в Сынцзян, с 1924 по 1926 год уменьшился с 92 до 14 процентов от объема производства в советской Центральной Азии.⁶² Хорошев делал акцент на эффективности принимаемых мер и подчеркивал, что госцена за килограмм опиума выросла еще на 80 процентов с 1926 по 1927 год.⁶³ Из официальных данных, предоставленных АКОСПО, видно, что между 1924 и 1927 годами площадь маковых посевов в Казахской и Киргизской АССР (бывшие Семипалатинская и Семиреченская области) выросла с 950 до 7500 десятин, а объем собираемого опиума – с 4750 до 164 300 килограммов.⁶⁴ Кроме того, по оценке АКОСПО, около 5000 десятин возделывались на российском Дальнем Востоке. В 1927 году они дали урожай в 16 000

61 Там же, л. 52.

62 Все данные приводятся по ГАРФ, Р-374/12/649/96–97, Дополнительные данные доклада товарища Хорошева, НКРКИ РСФСР: опиумная промышленность.

63 ГАРФ, Р-374/12/649/113–114, Протокол совещания при Внеплановой Инспекции НКРКИ РСФСР по вопросу о результатах обследования НКРКИ РСФСР Казахстана сельско-хозяйственной промышленности в Казахстане и Киргизстане, 05.04.1927. В совещании кроме руководителей АКОСПО и представителей НКРКИ также приняли участие представители Киргизской АССР, Наркомторга СССР, Наркомторга РСФСР

64 ГАРФ, Р-374/12/649/122, АКОСПО: справка об увеличении посевных площадей и об урожае опиума, 1924–1927.

килограммов опиума (урожайность там была ниже, чем в Семиречье).⁶⁵ Мы не можем доверять точности этих данных: очевидно, что Хорошев стремился представить радужную картину успехов АКОСПО. Данные об увеличении площади посевов опийного мака, скорее всего, указывали на возросшую способность государства контролировать существующее производство, а не на расширение производства как такового. Однако несомненно, что АКОСПО во второй половине 1920-х годов начало контролировать все большее количество опия, поскольку не только удовлетворяло спрос на опий со стороны советской фармацевтической промышленности (который в 1926 году составлял 30 тонн),⁶⁶ но и начало экспортировать опий на внешние рынки, особенно в Европу. В 1927 году АКОСПО оптимистично планировало в ближайшем будущем ежегодно экспортировать 300 тонн опия в Германию, 120 тонн в Японию, 60 тонн во Францию, получая прибыль в размере 7 миллионов рублей в год.⁶⁷ АКОСПО уже поддерживало контакты с компаниями-импортерами из этих трех стран. В последующие годы советская государственная компания вступила в контакт с компаниями из таких стран, как Италия и Чехословакия.⁶⁸ При этом в 1929 году общий объем производства опиума в распоряжении АКОСПО составил всего около 200 тонн, отчасти из-за неурожая в том году.⁶⁹

Постановления о плановом производстве опия были изданы только в 1927 году. Каждый год к 15 августа ВСНХ и Наркомторг устанавливали необходимое количество опия для внутреннего потребления (исключительно для фармацевтического производства) и для экспорта. По замыслу на основе этих расчетов определялось бы расширение посевных площадей следующей весной. АКОСПО должно было разделить обрабатываемую площадь между различными регионами, производящими опиум, и приступить к информированию крестьян и подписанию с ними соглашений. Цены, по которым государство выкупало у маководов продукцию, устанавливались ВСНХ и Наркомторгом не позднее чем за месяц до начала сева.⁷⁰ Согласно новому закону, регулирующему выращивание опия, посев опийного мака не был прямо запрещен, он лишь обязывал регистрировать площадь, обрабатываемую

65 Там же.

66 РГАЭ, 4081/1/13/45, Приложение к протоколу №1 заседания Балансовой комиссии при Коллегии Наркомторга, 15.04.1926.

67 РГАЭ, 4081/1/17/346, Документ без названия и даты - отчет из АКОСПО, 1926 или 1927 гг.

68 РГАЭ, 4081/1/38/15, Торговое представительство СССР в Италии, 05.12.1927; РГАЭ, 4081/1/24/1-10, Банк для внешней торговли СССР: расписки о принятии на ответственное хранение заложенного банку товара, 1927.

69 РГАЭ, 4081/1/14/91, Сведение АКОСПО, 1929.

70 ГАРФ, Р-5446/8/1348/4-4 об, Совет народных комиссаров, выписка из протокола заседания № 209, «О мероприятиях по учету и засеву опийного мака» 29.03.1927.

под мак.⁷¹ Однако это было фактическим запретом на свободное выращивание, учитывая государственную монополию на закупку опия и тот факт, что только крестьяне, подписавшие контракт с АКОСПО, могли зарегистрировать свое маковое поле.⁷²

В 1926 году “зарегистрированные” культиваторы опиума в Киргизской АО и Казахской АССР составляли 14 883 хозяйства. Другими словами, только по официальным данным, около 70 000 человек выживали благодаря производству опиума. Общая площадь обрабатываемых земель составляла 7 276 десятин, более половины из которых (3 915, или 53,8%) было сосредоточено в Каракольском округе. Сотни десятин также обрабатывались в Алма-Атинском (730), Джаркентском (584), Зайсанском (600), Фрунзенском (471), Лепсинском (561) и Талды-Курганском (415) округах. Таким образом, почти все производство опия находилось в бывшем Семиреченском регионе, за исключением района озера Зайсан, который расположен дальше на север, к востоку от Семипалатинска, также недалеко от границы с Синьцзяном.⁷³

По сравнению с дореволюционным периодом и периодом Гражданской войны, когда основными производителями опия в регионе были дунгане (хуэй), таранчи и сезонные мигранты из Синьцзяна, в 1926 году казахи и особенно кыргызы обеспечивали основную рабочую силу для выращивания опийного мака. Из 14 833 хозяйств крестьян-опиеробов 62,9% были представлены кыргызами; 11,9% - казахами, 14,8% - таранчами; 5,9% - хуэй/дунганами; 3,7% - “европейцами” (в основном, русскими и украинцами); наконец, 0,7% опиеробов были отнесены к другим этническим группам.⁷⁴

Выращивание опийного мака считалось полезным для других культур, которые впоследствии могли быть посеяны на тех же полях, например, зерновых и риса. В 1928 году Экономический совет РСФСР поощрял расширение культуры мака в Киргизии, в том числе путем селекции лучших сортов мака.⁷⁵ Уже в декабре 1926 года АКОСПО подписало соглашение с Институтом прикладной ботаники, основанным и возглавляемым одним из мировых авторитетов в этой области Николаем

71 Постановление Совнаркома от 28 марта 1927 г. (сборник законов 1927 г., № 18, стр. 203).

72 ГАРФ, Р-5446/15/1036/4, Народный комиссариат иностранных дел в Совет народных комиссаров СССР, 01.10.1934.

73 РГАЭ, 4081/1/17/111, «Данные о работе АКОСПО за 1924, 1925 и 1926 гг.» (отчет Хорошева, 1927).

74 Там же, раздел «Национальный состав опиеробов в 1926».

75 ГАРФ, Р-5446/10а/73/6, Постоянный представитель РСФСР при Совете народных комиссаров СССР - В Совет труда и обороны. Докладная записка к проекту постановления о мероприятиях по развитию культуры опийного мака на территории Киргизской АССР, 23.10.1928; ГАРФ, Р-5446/10а/73/11-12 об, Проект Постановления ЭКОСО РСФСР, 20.10.1928.

Ивановичем Вавиловым. При финансировании АКОСПО институт должен был проводить все исследовательские работы по агрономическому улучшению выращивания мака.⁷⁶ Вавилов сам посетил маковые поля в окрестностях Джаркента (Казахстан) в 1928 году.⁷⁷

В начале 1928 года АКОСПО было передано под контроль Наркомата внутренней и внешней торговли, который с 1927 года уже полностью контролировал производство советской фармацевтической продукции. Опиум, как важное сырье, также был поставлен под контроль этой организации.⁷⁸

После сталинской отмены новой экономической политики советское правительство также прекратило свои попытки повлиять на трансграничный опиумный рынок экономическими мерами. С контрабандой стали бороться исключительно репрессивными методами, которые теперь применялись более эффективно. Политику, применяемую с конца 1920-х годов, можно считать признаком завершения определенного исторического периода для приграничной территории между советской Центральной Азией и китайским Синьцзянем.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства, которая фактически началась в 1930 году, привела к значительному усилению контроля над производством и сбытом сельскохозяйственной продукции, включавшей в себя опиум. Этот подход в значительной степени соответствовал целям, которые преследовало АКОСПО в 1920-х годах. Вполне вероятно, что коллективизация оказала негативное влияние на нелегальную трансграничную торговлю между советской Средней Азией и Синьцзяном, но необходимо дальнейшее изучение периода после 1929 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период конца XIX и начала XX века ознаменовался глобальной экспансией мировых империй и консолидацией их управленческих структур. Фронтиры империй зачастую становились пограничными территориями, отделенными друг от друга в силу политических соображений, за которыми стояла военная сила.⁷⁹ Укрепление границ

76 ГАРФ, Р-5446/10а/73/21, Высший совет народного хозяйства. Президиум - в секретариат постоянного представительства РСФСР при СНК СССР, по вопросу: о мероприятиях по развитию культуры опийного мака в Киргизской АССР, 22.11.1928.

77 РГАЭ, 1056/1/191/6, 10, Фотографии макового поля в окрестностях Джаркента, сделанные Н.И. Вавиловым, 1928 г.

78 ГАРФ, Р-5446/9а/583/4, Постановление ЦИКА и Совнаркома СССР, 21.02.1928; ГАРФ, Р-5446/9а/583/16-16об, Секретно. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли - в Совнарком, 04.01.1928.

79 По поводу сходных процессов на границе между Китаем и французским Вьетнамом в Гуанси и их динамики, ср. Diana Lary, "A Zone of Nebulous Menace: The Guangxi/

и усиление административного веса государства по обеим сторонам российско-китайской границы так и не смогло пресечь оживленный торговый обмен между двумя странами и миграцию рабочих. Напротив, возникновение политической и военной границы между Российской и Циньской империями позволило значительно увеличить торговлю сельскохозяйственными и прочими товарами между Семиречьем и Синьцзянем. Смещение центра опиумных поставок из Или в Туркестан стало возможным благодаря вооружённой защите российской границы. Эта вооружённая защита распространялась и на те сообщества, которые желали пересечь возникшую пограничную линию и пополнить население малонаселенных пограничных территорий российской Центральной Азии. В том, что касается нелегального производства наркотиков (в отличие от трансграничной торговли зерном), после 1881 года пространство опиумного рынка не совпадает с политической географией региона: этот рынок находился в зависимости от политического деления и возник благодаря ему. Обе системы – имперская времен Первой мировой войны и возникшая позднее большевистская в первые годы советской власти – убедились на собственном опыте, что попытки администрации бороться с товарооборотом, блокируя или перенаправляя его внутрь страны к выгоде государства-монополиста, создают структурную проблему. В отличие от царского режима, который пытался создать государственную монополию только с помощью принуждения, вызывая тем самым насильственную реакцию населения приграничных районов, коммунистическое государство – помимо пресечения трансграничной контрабанды – использовало такие экономические меры, как кредитование, чтобы помочь производителям. О частичной эффективности этих мер свидетельствует сбыт опиума АКОСПО за границу в конце 1920-х годов. Этот успех следует понимать и в том числе как следствие разрушения прежней трансграничной миграционной и экономической системы, вызванного подавлением восстания 1916 года и гражданской войной в регионе. В 1920-е годы опиумоводы изменились. “Этническая преемственность”, которая характеризовала среду опиумоводов в 1920-е годы, была связана с экспроприацией и частичным уничтожением дунган и таранчей после 1916 года, а также, возможно, с присутствием десятков тысяч обедневших кыргызов, вернувшихся из Китая после того, как они бежали от насилия, последовавшего за восстанием 1916 года, и нашедших впоследствии работу в сельском хозяйстве советского Туркестана.

Географическое распределение производства/поставок опиума (в Туркестане) и его сбыта/спроса на него (в Синьцзяне) позволяло опиумной торговле функционировать при попустительстве определенных административных органов по обе стороны границы. Царская

Indochina Border in the Republican Period,” in *The Chinese State at the Borders*, ed. Diana Lary (Vancouver: UBC Press, 2007), pp. 181–197.

администрация разрешала транспортировку опиума и его продажу по ту сторону границы, до тех пор, пока он не шел в продажу и употребление на российской территории; губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь ссылаясь на контрабандный характер маковой и опиумной торговли, чтобы оправдать в глазах Пекина и Лиги Наций собственную неспособность решить эту проблему.⁸⁰ Меры большевиков времен НЭПа, состоявшие в экономической стимуляции вкупе с усилением пограничного контроля, имели частичный успех в создании системы государственного контроля за опиумным производством, хотя для ее полного понимания требуются дополнительные исследования. В наблюдениях британцев, которые они осуществляли с другой стороны границы, постоянно упоминается непрекращающаяся контрабанда опиума вплоть до середины двадцатых годов. В итоге Москва в значительной степени подавила торговлю и прекратила функционирование этого трансграничного рынка опиума в том виде, в котором он существовал до конца 1920-х годов. Это совпало по времени с концом НЭПа, наступлением коллективизации и возникновением сталинской экономической системы.

80 "Reply from Yang Zengxin, Military Governor of Xinjiang, concurrently Civil Governor" [Ответ от Яна Цзэнсиня, военного губернатора Синьцзяна, по совместительству гражданского губернатора], Министерству иностранных дел в Пекине по поводу запретов на опиум (октябрь 1921), в *The Opium Trade, 1910-1941. Volume 4 - 1917-1941* [факсимильная копия собрания документов «Форин офиса» (F.O. 415)] (Wilmington, DE and London: Scholarly Resources, 1974), pp. 126-127.

